

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661

EDN: OFPEIF

Научная статья / Research article

Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона

О.А. Москаленко¹ , Г.Л. Мурадов^{2,3} , А.А. Ирхин¹ ,
Н.Э. Демешко¹ , К.И. Нагорняк¹

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

² Совет министров Республики Крым, Симферополь, Российская Федерация

³ МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

kerulen@bk.ru

Аннотация. Режим функционирования Черноморских проливов Босфор и Дарданеллы вновь становится предметом международных дискуссий на фоне столкновения двух проектов глобализации (американского плана «Большой Черноморский регион» и китайской инициативы «Пояс и путь»), а также проведения и возможного влияния на весь регион Специальной военной операции России на территории Украины. Между Первой и Второй мировой войнами Черноморские проливы находились в центре международной повестки, однако Конвенция Монтрё 1936 г. обеспечила отсутствие крупных морских столкновений в Черном море. Конвенция, существующая более 85 лет, определяет самый длительный режим регулирования прохода военных и гражданских судов через Черноморские проливы после 1783 г. и отражает геополитическую реальность, когда крупнейшие прибрежные черноморские державы, которыми уже 240 лет являются Турция и Россия, обладают заметными преимуществами над военно-морскими силами нерегиональных держав. Данное положение противоречит современным американским устремлениям открыть Черноморский регион (ЧР) и черноморско-каспийское пространство для военно-политической экспансии США и введомой ими коалиции. На основе дискурсивного анализа авторы намерены определить целеполагание основных геополитических акторов в отношении Конвенции Монтрё и спрогнозировать возможные трансформации Черноморского региона, ставшего центром столкновения интересов глобальных и региональных держав. В основе методологии исследования лежат принципы системного и междисциплинарного подходов, обеспечивающие сочетание методов политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Рассматривается дискурс вокруг Конвенции Монтрё ведущих акторов международных отношений на фоне проведения специальной военной операции, что позволяет на уровне концептуальных дискуссий выявить возможные трансформации Конвенции между статус-кво или денонсацией. Турция традиционно балансирует между интересами России и Запада за счет роли нейтрального «привратника» Проливов, технологично применяя ст. 19 Конвенции, что пока в полной мере устраивает Россию, в то время как США демонстрируют намерение пересмотреть Конвенцию либо обойти ее в правовом поле. Поэтому Конвенция Монтрё будет оставаться в центре публичной и реальной политики до окончания процессов формирования новой системы международных отношений, обеспечивающей стабильность развития мира на последующую политическую эпоху.

Ключевые слова: турецкие проливы, Черноморские проливы, Босфор и Дарданеллы, специальная военная операция

© Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00917, <https://rscf.ru/project/23-28-00917/>.

Для цитирования: Москаленко О. А., Мурадов Г. Л., Ирхин А. А., Демешко Н. Э., Нагорняк К. И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 643—661. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661>

The Montreux Convention After the Beginning of the Special Military Operation. Status Quo or Denunciation: Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Implications for the Black Sea Region

Olga A. Moskalenko¹ , Georgiy L. Muradov^{2,3} , Aleksandr A. Irkhin¹ ,
Nalalya E. Demeshko¹ , Kirill I. Nagornyak¹

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

²Council of Ministers of the Republic of Crimea, Simferopol, Russian Federation

³MGIMO University, Moscow, Russian Federation

kerulen@bk.ru

Abstract. The mode of operation of the Black Sea or Turkish straits is again becoming a matter of international discussion following the clash of two globalization projects: the American Greater Black Sea region and the Chinese Belt and Road Initiative, as well as Russia's special military operation in Ukraine, which is primarily realized on the ground. Being the Black Sea straits a core object of international agreements between the World War I and the World War II, the Montreux Convention of 1936 secured the Black Sea from major naval clashes and accidents. The Convention, which is more than 85 years old, has the longest regime for regulating the passage of military and civilian ships through the Black Sea straits since 1783 and has reflected the geopolitical reality, in which the Black Sea littoral powers, which have been Türkiye and Russia for 240 years, have noticeable advantages over the navies of non-littoral powers. This provision contradicts the modern American aspirations to open the Black Sea region and the Black Sea — Caspian space for the military-political expansion of the United States and the coalition. The purpose of the article is to determine, on the basis of a discursive analysis, the goal-setting of the main geopolitical actors in relation to the Montreux Convention and to predict the possible transformations of the Black Sea region, which has become the center of a clash of interests of global and regional powers. The research methodology is based on the principles of systemic and interdisciplinary approaches to provide a combination of methods of political linguistics and geopolitical analysis and synthesis. The article examines the discourse of the leading actors of international relations around the Montreux Convention following the special military operation, which makes it possible to identify its transformations between the *status quo* or denunciation at the level of conceptual discussions. Türkiye traditionally balances between the interests of Russia and the West due to the role of a neutral “gatekeeper” of the straits, technologically applying Article 19 of the Convention, which so far fully meets the interests of Russia; while the USA shows a tendency to revise the Convention or circumvent it legally. Therefore, the Montreux Convention will remain at the center of public and real politics until the end of the formation of a new system of international relations that should ensure the stability of the development of the world for the next political era.

Key words: Turkish straits, Black Sea straits, the Bosphorus and the Dardanelles, special military operation

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00917, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00917/>).

For citation: Moskalenko, O. A., Muradov, G. L., Irkhin, A. A., Demeshko, N. E., & Nagornyak, K. I. (2023). The Montreux Convention after the beginning of the special military operation. Status quo or denunciation: Discourse of international actors and possible geopolitical implications for the Black Sea region. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(4), 643—661. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661>

Введение

Принятое в феврале 2022 г. решение о проведении Специальной военной операции (СВО) России на Украине заметно ускорило процессы формирования новой системы международных отношений, в очередной раз сдвинув устоявшееся равновесие между однополярностью и многополярностью в сторону последней. Однако боевые действия носят главным образом сухопутный характер, что существенно ограничивает возможности Запада по влиянию на военно-политическую ситуацию в Черноморском регионе (ЧР). Все чаще в повестке международной и национальной публичной политики появляется упоминание Конвенции Монтрё 1936 г., определяющей режим функционирования соединяющих Средиземное и Черное моря проливов Босфор и Дарданеллы. При этом следует принимать в расчет такие факторы, как перспектива строительства Турцией параллельного Босфору канала «Стамбул» и перекрытие Турцией Проливов с весны 2022 г. после начала СВО.

Для Турции роль балансира в регионе зависит от возможности полноценно управлять ситуацией с Проливами, иначе именуемыми Черноморскими или Турецкими (*Türk Boğazları*), как это происходит вот уже 86 лет: она контролирует поток военных и торговых судов через одну из важнейших водных артерий мира. Конвенция Монтрё 1936 г. продолжает оставаться политическим инструментом, значимость которого после начала военного конфликта в Черном море стала еще более очевидна.

При наличии законодательного основания в виде Конвенции Монтрё 1936 г. регулирование движения через одну из имеющих критическое значение водных артерий мира во многом задается правилами информационного поля: любые меры Турции и других региональных и нерегиональных акторов отработываются на дискурсивном и публично-

информационном уровне, а успешность подачи того или иного аспекта напрямую связана с принятием политических решений. Гипотеза соответствует тезису о том, что дискурс следует воспринимать не столько как отражающий политическую реальность, сколько как создающий ее. На основе предложенной в 1994 г. И. Нойманном концепции искусственного конструирования регионов через дискурс за счет постоянного обновления определений того или иного региона (Neumann, 1994) И. Цантулис показал, как с начала 2000-х гг. западные акторы конструировали пространство (Большого) ЧР посредством дискурсивных практик («регионы обретают существование в речах и на бумаге» (Tsantoulis, 2016)). Хотя, по мнению исследователя, процесс сошел на нет к середине 2010-х гг., так и не достигнув цели, сейчас мы наблюдаем возрождение риторики Большого Черноморского региона (БЧР) и его реконцептуализацию как критического геополитического пространства, в котором доминирует фактор морского пространства, а не страновой принцип. Это позволяет выделить Конвенцию Монтрё, регулирующую прохождение в Черное море и из Черного моря военных кораблей, в качестве ядра безопасности ЧР.

Авторы намерены на основе дискурсивного анализа выявить цели основных геополитических акторов в отношении Конвенции Монтрё и спрогнозировать возможные трансформации ЧР, ставшего центром столкновения интересов глобальных и региональных держав.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- выделить ключевых акторов, пытающихся влиять на режим функционирования Черноморских проливов, и проследить эволюцию их дискурсов;

- определить политические позиции ключевых региональных и нерегиональных

акторов международных отношений касательно Конвенции Монтрё в контексте регулирования Турцией безопасности в ЧР;

— охарактеризовать сценарии сохранения и изменения существующего режима Черноморских проливов с точки зрения влияния этих проливов на баланс сил в Черном море.

Объектом исследования является дискурс ключевых акторов ЧР в отношении Черноморских проливов, предметом — Конвенция Монтрё в информационном пространстве США, Турции и России после начала СВО.

В основе методологии исследования лежат принципы системного и междисциплинарного подходов, обеспечивающие сочетание методов политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Авторы осуществляют критический анализ документов (официальных государственных документов, публикаций экспертно-аналитических центров, научной литературы), публичного информационного пространства, дискурсивный и интертекстуальный анализ, используя элементы ивент-анализа, что позволяет прогнозировать вероятные сценарии поведения основных акторов в регионе.

Политическое, экспертное, научное и медийное сообщество концептуализирует роль Конвенции Монтрё как ядра безопасности ЧР на уровне высказываний политических лидеров региональных и нерегиональных акторов, официальных, в том числе доктринальных документов, аналитических докладов и концепций «фабрик мысли», научного анализа и медийного освещения или же их гибридных форм (конференции, форумы и др.). Все это составляет материал исследования.

В отечественной науке работ, посвященных режиму функционирования Черноморских проливов на основании Конвенции Монтрё, не так много, как можно было бы ожидать. Выделим несколько групп исследований:

1) исторические, рассматривающие роль и режимы Проливов в исторической ретроспективе российско-турецких отношений с акцентом на событиях Второй мировой и холодной войны (Смольняк, 2015; Мошкин, 2016);

2) экспертно-юридические, изучающие правовые основания режима Проливов (Митина, 2018; Комлева, Цветкова, 2021) — хотя их уровень нельзя назвать высоким;

3) политологические, анализирующие роль Босфора и Дарданелл как ключевого геополитического пространства ЧР с учетом возможного изменения геополитического ландшафта после планируемого строительства канала «Стамбул» (Воронин, Швец, Воронина, 2017; Ирхин, 2018; Дружиловский, 2019; Болдырев, 2020; Аватков, Гудев, 2021).

Отдельно следует упомянуть результаты контент- и ивент-анализа истории нарушения положений Конвенции, приведенные в статье ученых РУДН (Ивкина, Павлова, Никулин, 2020): только в период с 2008 г. (после грузино-осетинского конфликта) по 2019 г. зафиксировано 15 случаев нарушения различных пунктов Конвенции военными кораблями США, причем после марта 2014 г. количество нарушений значительно возросло.

Закономерно, что интерес к теме растет на фоне обострения международной ситуации. В контексте национальных интересов России режим Проливов рассматривается в монографии «Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений» (Большое Средиземноморье..., 2023). После начала СВО попытка научного прогноза по сохранению Конвенции предпринята в статье А.А. Головенченко (2022).

Из фундаментальных зарубежных работ выделим диссертацию К. Юджея 2019 г., где автор приходит к выводу о неминуемом пересмотре ряда положений Конвенции, касающихся присутствия военных кораблей нечерноморских держав в Черном море (Yücel, 2019). В 2020 г. в Турции под эгидой Центра евразийских исследований опубликован аналитический доклад Т. Тулуна, в котором любые возможные шаги по пересмотру Конвенции приравниваются к открыванию ящика Пандоры: на основании истории применения положений Конвенции и сопутствующих событий автор приходит к выводу, что «предохранительный клапан», которым является Конвенция, должен исправно функционировать, причем исключительно под

управлением Турции (Tulun, 2020, p. 40). Эти работы отражают полярность мнений, транслируемых Западом или прозападными турецкими экспертами и национально-ориентированными турецкими учеными: первые продвигают тему размывания Конвенции, вторые — видят документ императивом национальной безопасности и самостоятельности Турции.

Конфликтогенность черноморского пространства. Конвенция Монтрё как инструмент регулирования Турцией безопасности в ЧР

18 января 2023 г. Французский институт международных отношений (IFRI) совместно с ВМС Франции провел конференцию, в роли ключевых спикеров на которой выступили три командующих военно-морскими силами стран НАТО: США, Великобритании и Франции. На Парижской военно-морской конференции (*Paris Naval Conference*) обсуждали перспективы возвращения военно-морского боя в условиях нового стратегического цикла. С точки зрения стран НАТО события в морском пространстве ЧР знаменуют переход к морской логике ведения войн, когда флот перестает быть исключительно плацдармом для проведения наземных или воздушных операций и восстанавливает самостоятельное боевое значение¹. Таким образом, к 2023 г. оказываются актуализированы и связаны в единое пространство боевых действий все проекции ЧР, который активно возвращается в том числе в информационно-аналитическую повестку. Эта связка расширяется и на дискурсивном уровне.

Во вступительном слове директор IFRI Тома Гомар пригласил собравшихся «в путешествие от Курска до Москвы», подчеркнув, что оно вполне уместно для военно-морской конференции, ведь «Курск» — название не только российского города на границе с

Украиной, но и подводной лодки, которое напоминает, что президентский путь В.В. Путина начался с кораблекрушения, а Москва — не только столица, но и название потопленного в апреле 2022 г. российского крейсера: «Это короткое путешествие напоминает, что даже для континентальной державы, которой является Россия, важны события на море»².

И аллюзивное название «Парижская военно-морская конференция», и высказывания ее спикеров ориентированы на расширение российско-украинского конфликта. Адмирал П. Вандье констатирует начало «великой битвы за общие пространства»³, глава ВМС Великобритании Б. Ки заявляет, что «действия России в отношении Украины выходят за рамки сухопутного конфликта», а «возврат к континентальной стратегии невозможен»⁴. Лейтмотивом становится обращение к идеям А. Мэхэна, которое из уст Первого морского лорда⁵ подчеркивает очередной виток стратегического противостояния теллурократий и талассократий: «Море — основа нашего экономического процветания и безопасности»⁶. Дискуссия, реализованная на французской площадке, носит концептуальный стратегический характер.

В Черноморском регионе развертывание и исход конфликта вновь — как и в исторической ретроспективе — во многом определяются режимом функционирования Босфора и Дарданелл и доступом военных кораблей в Черное море. Узкие проливы образуют природную буферную зону между Черным и Средиземным морями, являются ключом к

² CNO Delivers Remarks at Paris Naval Conference // America's Navy. January 18, 2023. URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/Speeches/display-speeches/Article/3273714/cno-delivers-remarks-at-paris-naval-conference/> (accessed: 25.03.2023).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ The First Sea Lord (с англ. дословно — «повелитель морей») — традиционный титул главы Королевского ВМФ Великобритании и всех ВМС Великобритании, сохранившийся по сей день.

⁶ CNO Delivers Remarks at Paris Naval Conference // America's Navy. January 18, 2023. URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/Speeches/display-speeches/Article/3273714/cno-delivers-remarks-at-paris-naval-conference/> (accessed: 25.03.2023).

¹ Bachelier J., Tenenbaum É. Naval Combat Redux: A Renewed Challenge for Western Navies // *Éditoriaux de l'Ifri, Ifri*. January 9, 2023. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bachelier_tenenbaum_naval_combat_jan2023_v4.pdf (accessed: 25.03.2023).

точке встречи Европы и Азии, веками пробуждая имперские амбиции как государств ЧР, так и нерегиональных акторов. «Для России Босфор и Дарданеллы являются воротами в регион Большого Средиземноморья, в то же самое время через проливы возможности державы могут быть заблокированы в Черноморском бассейне и, наконец, через них к берегам России могут быть доставлены значительные враждебные силы» (Ирхин, 2018, с. 78). Для Турции Проливы — символ суверенитета. Для внерегиональных акторов от режима функционирования Проливов зависит присутствие России в Средиземноморье и ее выход к Индии и Африке.

До начала СВО Турция уже успешно играла роль признанного балансира в ЧР, во многом благодаря обеспечению морской безопасности региона за счет Конвенции Монтрё, которая позволяет свободный проход через проливы торговых судов и предусматривает ряд ограничений для прохода и нахождения в Черном море военных кораблей. Поэтому Турция всегда вела себя как вдумчивый и осторожный привратник, владеющий ключами от Босфора и старающийся не допустить дестабилизации в регионе за счет чрезмерного присутствия военных кораблей НАТО в Черном море, которое вызвало бы раздражение России.

27 февраля 2022 г., после начала СВО, Турция впервые со времен Второй мировой войны обозначила применение ст. 19 Конвенции Монтрё. В 1941 г. Турция перекрыла проливы, так же сославшись на ст. 19 Конвенции⁷. Сохраняя нейтральный статус, Турция блокировала движение военных кораблей государств Оси через Босфор в обе стороны, равно как и не допускала в Черное море военные суда стран антигитлеровской коалиции, что мешало тем оказать СССР военную помощь. При этом был закрыт выход в Средиземное море для военных кораблей Черноморского флота.

⁷ Текст см.: Конвенция о режиме проливов // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247> (дата обращения: 25.03.2023).

Во Второй мировой войне Турция приложила максимум усилий и лавировала, чтобы в итоге сохранить хорошие отношения с победителем. Турецкий исследователь С. Сейди обозначает ключевой турецкий подход к тексту документа: «Во многих случаях, хотя Турция строго применяла положения Конвенции для обеих сторон, она сталкивалась с дилеммой: либо строго следовать букве Конвенции, либо ее духу в связи с тем, что меняются условия войны» (Seydi, 2010, p. 122). Таким образом, решения в рамках ст. 19 властями Турции все равно принимались «в ручном режиме»⁸, что иногда обуславливало их непоследовательность, но тем не менее они всегда зависели от баланса сил. После Второй мировой войны в том числе по этой причине не раз звучали призывы к пересмотру Конвенции 1936 г.

Через три дня после объявления СВО и на фоне неоднократных спекуляций на тему перекрытия Проливов с украинской стороны бывший министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что Турция считает СВО войной и намерена прозрачно выполнять все положения Конвенции Монтрё: «В случае войны, в которой Турция не является стороной, Турция может перекрыть проливы для стран, которые вовлечены в войну. Статья 19 Конвенции Монтрё прямо гласит об этом»⁹, — приводит его слова ИА «Анадолу», дополняя, что в соответствии с заявленной статьей российские суда Черноморского флота получают возможность вернуться в порт приписки. По итогам заседания турецкого Кабинета министров 28 февраля 2022 г. было сделано существенное уточнение: Турция, не будучи стороной конфликта, закрывает Проливы для военных судов воюющих государств, как черноморских, так и нечерноморских, на период российско-украинской войны¹⁰.

⁸ Примеры и анализ см.: (Seydi, 2010).

⁹ Ozberk T. Turkey Closes the Dardanelles and Bosphorus to Warships // Naval News. February 28, 2022. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/02/turkey-closes-the-dardanelles-and-bosphorus-to-warships/> (accessed: 25.03.2023).

¹⁰ Ibid.

Формулировка от министра иностранных дел не позволяет ставить под сомнение знание властями Турции документа, обеспечивающего стране привилегированное положение в регионе. Тем не менее противоречие с заявленной статьей носит ярко выраженный характер. Несмотря на несогласующийся с Конвенцией запрет на вхождение в Черное море военных кораблей любых стран, госсекретарь США Энтони Блинкен в тот же день в телефонном разговоре с М. Чавушоглу, в очередной раз осудив «нападение» России на Украину и восхитившись единством партнеров и союзников в противостоянии разразившемуся кризису, высоко оценил как последовательное применение Турцией Конвенции Монтрё, так и комментарий МИД Турции по ситуации¹¹.

Турция в поисках баланса выбрала принцип следовать духу Конвенции, а не ее букве. Интерес вызывает не столько позиция турецкого внешнеполитического ведомства, которое вполне очевидно стремится сохранить равновесие в ЧР — прежде всего в его морском измерении, — сколько беспрекословное принятие и даже демонстративное одобрение¹² странами коллективного Запада — союзниками Турции по НАТО необоснованного запрета на проход через Проливы. Хотя экспертно-аналитическим и юридическим сообществом предпринимались попытки продемонстрировать несостоятельность такого решения¹³.

¹¹ Secretary Blinken's Call with Turkish Foreign Minister Cavusoglu // US Department of State. February 28, 2022. URL: <https://www.state.gov/secretary-blinkens-call-with-turkish-foreign-minister-cavusoglu-8/> (accessed: 25.03.2023).

¹² Аталай Д. Б. Турция предприняла сильные шаги в рамках конвенции Монтрё // Anadolu Agency. 09.03.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%BB%D0%B0-%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%88%D0%B0%D0%B3%D0%B8-%D0%B2-%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BA%D0%B0%D1%85-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%91/2528297> (accessed: 25.03.2023).

¹³ Overfield C. Turkey Must Close the Turkish Straits Only to Russian and Ukrainian Warships // Lawfare.

Закрытие Черного моря для военных кораблей НАТО по ст. 19 является незаконным до момента вступления Североатлантического альянса в войну и может повлиять на его операционные возможности по оказанию помощи Черноморским участникам блока. Во-первых, это связано с желанием Турции не допустить повышения градуса эскалации между Россией и НАТО, чего опасаются и США. Во-вторых, таким образом Р.Т. Эрдоган попытался подчеркнуть свой нейтралитет, не выбирая ни одну из сторон¹⁴.

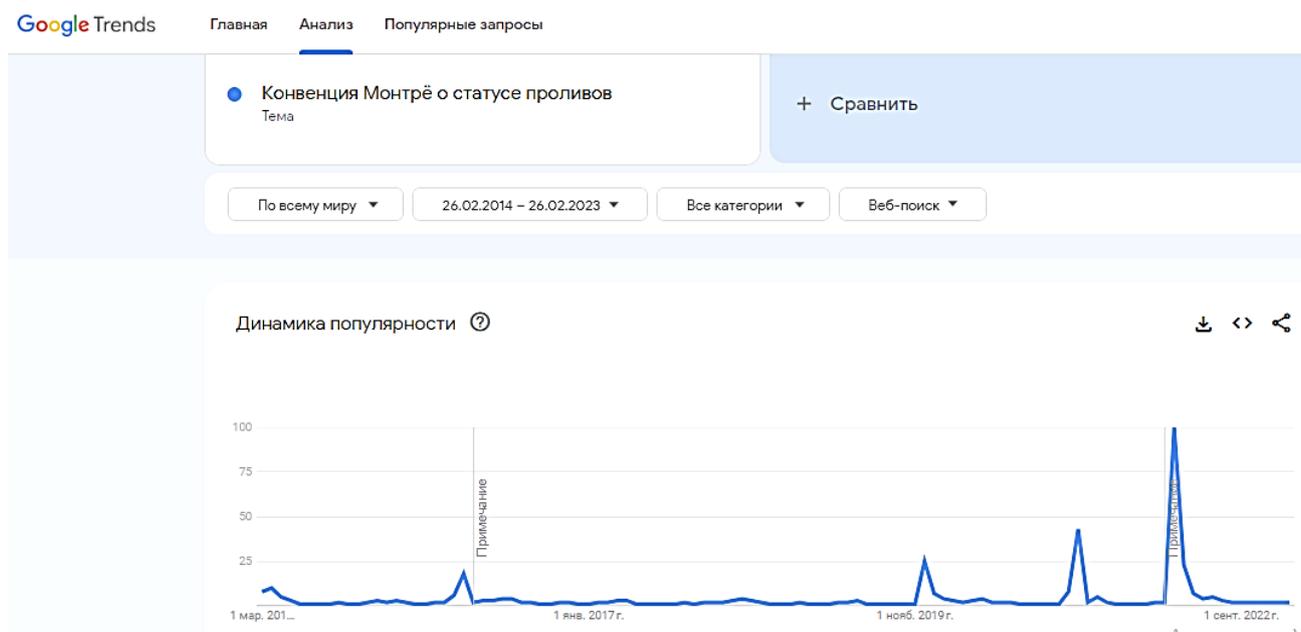
После начала СВО Турция, выждав несколько дней, начала конструирование своей новой роли — вернее, умело воспользовалась шансом для подтверждения многократно заявленных Р.Т. Эрдоганом тезисов о необходимости справедливости в мире (Ирхин, Москаленко, 2021; Аватков, Гузаеров, 2023; Демешко, Аватков, Ирхин, 2022). Первым шагом стало определение критического значения поведения Турции для развития конфликта в морском пространстве ЧР, что было реализовано через применение ст. 19 Конвенции Монтрё. Взятая на себя Анкарой роль медиатора, обеспеченная нейтральным статусом хранителя ворот между Черным и Средиземным морями, послужила основой для стамбульских переговоров между Россией и Украиной, а в дальнейшем — и базисом зерновой сделки. Название одного из западных экспертных материалов поздней весны 2022 г. точно отразило ситуацию на геополитической арене после начала СВО: «В фокусе внимания — Черное море и Турция» (*The Black Sea and Turkey in Focus*).

В начале 2023 г. в докладе Центра стратегических и международных исследований (*Center for Strategic & International Studies*) была обозначена позиция США и НАТО по возможности усиления своего присутствия в регионе: «С Турцией или никак» (*Turkey or Nothing*)¹⁵.

March 5, 2022. URL: <https://www.lawfareblog.com/turkey-must-close-turkish-straits-only-russian-and-ukrainian-warships> (accessed: 25.03.2023).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Aronsson L., Mankoff J. The Inhospitable Sea // The Center for Strategic and International Studies (CSIS).

Рис. 1. Динамика запросов Google Trends по теме «Конвенция Монтрё» с момента возвращения Крыма в состав Российской Федерации
 Источник: Google Trends. URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=2014-02-26%202023-02-26&q=%2Fm%2F054bn&hl=ru> (accessed: 25.03.2023).

Динамика поисковых запросов пользователей по темам «Конвенция Монтрё» и «Черноморские проливы» является неравномерной и вполне закономерно отражает моменты межгосударственной напряженности, связанные с обострением ситуации в ЧР (рис. 1).

Ожидается абсолютное большинство запросов приходится на конец зимы 2022 г. и связано с началом СВО, требованием В. Зеленского перекрыть Проливы для России и ответом Турции. Кривая колебаний интереса к проблеме в целом совпадает с отражением темы в западных экспертно-аналитических материалах. До 2022 г. упоминания Конвенции Монтрё как определяющей режим прохождения Черноморских проливов носили единичный характер: «фабрики мысли», транслирующие тренды внешней политики НАТО, на уровне дискурса сводили к нулю значимость документа. После перекрытия Босфора и Дарданелл в 2022 г. почти любой аналитический доклад упоминает, что особый

региональный статус Турции обеспечен Конвенцией Монтрё.

В экспертно-аналитический дискурс и тем более дискурс СМИ тема режима Черноморских проливов, который действует ни много ни мало 86 лет, вводится как нечто новое даже для специалистов в области международных отношений. Например, в комментарии Гудзонского института по новой Черноморской стратегии США обозначен раздел *Montreux Convention for Beginners* (Coffey & Kasapoğlu, 2023), что можно перевести как «Конвенция Монтрё для чайников». Двуплановая образность названия подразумевает не только якобы незнание западным политиком сути Конвенции, но и намекает на глубинные стратегии ее преодоления.

Предыдущий виток интереса приходится на апрель 2021 г., когда тема Конвенции Монтрё вышла на первые строки не только страновой, но и мировой повестки после публикации письма 104 отставных турецких адмиралов, выступивших против строительства параллельного Босфору канала «Стамбул», которое имело все шансы подорвать действие Конвенции за счет появления альтернативного

February 2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/inhospitable-sea-toward-new-us-strategy-black-sea-region> (accessed: 25.03.2023).

морского пути в Черное море. Канал «Стамбул» длиной 45 км и шириной 275 м был анонсирован в 2011 г. Р.Т. Эрдоганом¹⁶, тогда премьер-министром Турции (Kundak & Ваурнар, 2011). В письме было подчеркнуто, что действующий режим Проливов обеспечивает нынешнюю независимую позицию Турции: «Конвенция Монтрё является основным документом безопасности причерноморских стран и Конвенцией, которая делает Черное море морем мира. Это Конвенция, которая дает право Турции не вступать без ее желания в войну на стороне одной из воюющих сторон»¹⁷, — аргумент, исключавший возможность дискуссии о пересмотре и отмене документа. В своей ответной реакции Р.Т. Эрдоган решительно подчеркнул, что признает Конвенцию значительным достижением своего времени для Турции и собирается хранить приверженность ей, пока не представится лучший вариант контроля над Проливами, а канал «Стамбул» только укрепит суверенитет Турции над Проливами. Тем не менее в будущем пересмотр условий Конвенции на лучших для Анкары условиях и с участием международного сообщества возможен¹⁸.

Если проект по постройке «Стамбула» состоится, то канал получит статус искусственного и национального, а значит, военный и торговый трафик по нему будет регулироваться исключительно властями Турции, что предполагает два варианта:

1) Турция полностью запрещает движение военных судов через канал «Стамбул», что сохраняет в полной мере верховенство Конвенции Монтрё над Проливами;

¹⁶ Eldem T. Canal Istanbul: Turkey's Controversial Megaproject // SWP Comment. 2021. No. 43. P. 1—8. URL: <https://doi.org/10.18449/2021C43> (accessed: 25.03.2023).

¹⁷ Отставные турецкие адмиралы подписали письмо в защиту Конвенции Монтре // Forbes. 04.04.2021. URL: https://forbes.kz/news/2021/04/04/newsid_247088 (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁸ Alhas A. Turkey Remains Committed to Montreux Treaty: President // Anadolu Agency. April 5, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-remains-committed-to-montreux-treaty-president/2198967> (accessed: 25.03.2023).

2) Турция разрешает движение военных судов — черноморских и нечерноморских государств — через канал «Стамбул», что фактически выводит их из зоны действия Конвенции.

С начала СВО Турция приложила максимум усилий, чтобы добиться роли равноудаленного партнера для России и Запада, став сначала площадкой переговоров, а потом и государством, обеспечившим зерновую сделку. Такая тактика вписывается в стратегию Турции по достижению статуса глобального актора (Ирхин, Москаленко, 2021), которая в итоге воплотилась в принимаемой на себя Турцией роли глобального переговорщика между Западом и не-Западом, где одним из итогов является эффективное привлечение такого инструмента морской безопасности, как Конвенция Монтрё. Турция, сохраняя нейтральный статус и заключая ситуативные партнерства, стремится завоевать роль одного из архитекторов нового мирового порядка, каким бы он ни был.

В качестве еще одной причины намеренно «небрежного» трактования Конвенции звучит мысль о возможном страхе перед российской реакцией: сославшись на дискриминацию по признаку «воюющая / невоюющая сторона», Россия могла бы потребовать денонсации Конвенции Монтрё, что автоматически привело бы к регулированию судоходства в Проливах в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву¹⁹ и открытию доступа в Черное море для любых военных кораблей²⁰.

Однако ни Россия, ни страны Запада не заявили протеста по поводу перекрытия Проливов. Позиция России укладывается в регулярно декларируемое понимание Конвенции как инструмента обеспечения безопасности

¹⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 25.03.2023).

²⁰ Overfield C. Turkey Must Close the Turkish Straits Only to Russian and Ukrainian Warships // Lawfare. March 5, 2022. URL: <https://www.lawfareblog.com/turkey-must-close-turkish-straits-only-russian-and-ukrainian-warships> (accessed: 25.03.2023).

на Черном море, важным условием которой является решение вопросов экономики и безопасности в регионе исключительно черноморскими государствами, без вмешательства извне²¹. Если одному игроку — России — невозможность появления флота НАТО в Черном море только играет на руку, то у самого Североатлантического альянса на протяжении 2022 г. не возникало чреватой глобальным столкновением необходимости военного присутствия в Черном море.

За этот период Турция в информационном пространстве неоднократно заостряла внимание на том, что «выполняет все требования Конвенции Монтрё... С марта ни одно военное судно не проследовало через Турецкие проливы. Ни один российский военный самолет не использовал воздушное пространство Турции на пути в Сирию»²², — заявления сопровождаются акцентом на высокой миссии Турции по справедливому урегулированию международных проблем (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 92): «Необходим справедливый мир для Украины. Именно этого добивается Турция»²³. Ежегодные многонациональные учения «Морской бриз» (*Sea Breeze*), проводимые США и Украиной в Черном море с 1996 г., прошли в июле 2022 г. без входа в Черноморский бассейн военных кораблей прибрежных государств. Упоминания о том, что решение Турции обеспечивает мир в водах региона и препятствует

эскалации конфликта, звучат на пресс-конференциях первых лиц страны и в обращениях к нации²⁴.

Тем не менее уже через три дня после очередного выступления М. Чавушоглу, где он озвучил, что с начала украинского кризиса через Проливы в Черное море не прошло ни одно военное судно²⁵, состоялся запланированный визит в Турцию американского эскадренного миноносца *USS Nitze* (DDG-94), который в полном вооружении прошел Дарданеллы и встал на якорь в Стамбуле у входа в Босфор. Посол США в Турции Дж. Флейк задействовал пафосную риторику, характеризуя сотрудничество с Турцией эпитетами с семой «исключительно»: «Турция — *особо ценный* член НАТО, а визит „Нитце“ — возможность *еще значительно* укрепить наше *давнее и жизненно важное* партнерство с Турцией»²⁶.

На визуальном уровне фото посла США на борту судна на фоне огромного американского флага и в несколько раз меньшего турецкого было расценено как демонстрация силы со стороны Вашингтона. Хотя формально американский миноносец не вошел в акваторию Черного моря, прохождение через Дарданеллы можно считать прецедентом: США показали превосходство и де-факто непризнание заявленного Турцией в начале СВО варианта применения Конвенции Монтрё.

Под Турецкими проливами в Конвенции Монтрё 1936 г. понимаются пролив Дарданеллы, Мраморное море и пролив

²¹ См.: Парламентское измерение сотрудничества в Черноморском регионе: основные итоги, тенденции, перспективы : материалы парламентских слушаний // Государственная дума. 20.02.2018. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/OrPEaA38V0iQCYdJuAy9Dv6TFxqV4PMI.pdf> (дата обращения: 25.03.2023); Выступление руководителя Делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями К.Ю. Гаврилова на 1043-м пленарном заседании Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности // ОБСЕ. 03.05.2023. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/a/544861.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

²² Чавушоглу заявил, что Турция выполняет все требования Конвенции Монтре // РИА Новости. 29.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221129/turtsiya-1835047922.html> (дата обращения: 25.03.2023).

²³ Там же.

²⁴ Эрдоган заявил о строгом соблюдении Турцией Конвенции Монтрё по черноморским проливам // ТАСС. 09.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16762693> (дата обращения: 25.03.2023).

²⁵ Турция заявила, что следует Конвенции Монтрё, не пуская в Черное море военные корабли // ТАСС. 01.02.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16933499> (дата обращения: 25.03.2023).

²⁶ Vandiesal C. *USS Nitze* (DDG 94) Arrives at Gölcük Naval Base in Türkiye // U.S. Naval Forces Europe and Africa. U.S. Sixth Fleet. February 5, 2023. URL: <https://www.c6f.navy.mil/Press-Room/News/Article/3287629/uss-nitze-ddg-94-arrives-at-glck-naval-base-in-trkiye/> (accessed: 25.03.2023).

Босфор²⁷, которые создают таким образом единое географическое и, что более важно, геополитическое пространство, закрепленное в Конвенции и обеспечивающее транзит между Черным и Средиземным морями. Соглашение США с запретом на прохождение в Черное море для своих военных кораблей можно охарактеризовать как добровольное и временное. Тем не менее на уровне риторики неоднократно подчеркивается условность его принятия и понимание неверного применения ст. 19. «В обозримом будущем Анкара продолжит блокировать проход военных судов в Черное море через Турецкие проливы. Хотя Турция применила ст. 19 Конвенции Монтрё, распространяющуюся на военные корабли воюющих сторон, риторика МИД Турции подразумевает, что Анкара будет блокировать всю военно-морскую активность внешних акторов» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 1), — так трактуется позиция Турции в одном из аналитических материалов, в котором согласие с решением Анкары превращается в своеобразный «жест доброй воли», но уже со стороны США²⁸.

В докладе *Chatam House* (Bailey & Wellesley, 2017) на основе комплексной методологии Турецкие проливы выделены как имеющие глобальное стратегическое значение, через них ежегодно проходит пятая часть мирового экспорта пшеницы и шестая часть экспорта кукурузы, и предполагается дальнейший интенсивный рост экспорта зерновых из ЧР, для которого путь через Проливы является безальтернативным (Bailey &

Wellesley, 2017, pp. V—VII, 12). При этом уже на 2017 г. и зона Проливов, и черноморские порты были отнесены к регионам с высокой нестабильностью, конфликтностью и/или риском свержения действующей власти. Предполагались ненулевая вероятность вооруженного конфликта в самой Турции после попытки государственного переворота 2016 г., а также возможное обострение российско-турецких отношений. Тем не менее даже на этом фоне эксперты практически не рассматривали возможность перекрытия Турцией Босфора (Bailey & Wellesley, 2017, pp. 36—37). В аналитическом документе объемом 124 страницы (Bailey & Wellesley, 2017) красной нитью проходит мысль, что государство, контролирующее Проливы, полностью контролирует поставки через него товаров, но при этом ни разу даже не упомянуто основание — Конвенция Монтрё, регулирующая гражданское, торговое и военное судоходство через Черноморские проливы.

Таким образом, в 2022 г. Турция не только закрыла Проливы для военных кораблей всех стран, но и выступила в роли организатора и «держателя» так называемой «зерновой сделки», необходимость которой возникла в связи с военными действиями в акватории Черного моря. Успех в роли медиатора стал одним из тезисов, которые Р.Т. Эрдоган регулярно выносит в публичное пространство как для продвижения образа Турции в мире, так и во внутривластной повестке.

Перспективы денонсации или пересмотра Конвенции Монтрё

Озвученная и реализуемая Турцией сверженная единственного неподвзятая рефери конфликта, глобального миротворца, демонстрация «логики благих намерений» в случае с превышением полномочий по Конвенции могут привести к инициированию со стороны Запада пересмотра или отмены как решения Турции, так и всей Конвенции.

Не являющиеся подписантами Конвенции США на регулярной основе в экспертно-аналитическом поле, частично — в виде

²⁷ Конвенция призвана «...упорядочить проход и судоходство в проливе Дарданеллы, в Мраморном море и в Босфоре, обнимаемых общим определением „Проливы“». См.: Конвенция о режиме проливов // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901884247> (дата обращения: 25.07.2023).

²⁸ См.: Lancaster M. *Troubled Waters — How Russia's War in Ukraine Changes Black Sea Security*. Preliminary Draft Report // NATO Parliamentary Assembly. May 2, 2023. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2023-05/020%20DSCFC%2023%20E%20-%20BLACK%20%20SEA%20SECURITY%20-%20LANCASTER%20REPORT%20.pdf> (accessed: 25.07.2023).

законодательной инициативы и активно — на дискурсивном уровне продвигают тему пересмотра или отмены действующего режима Проливов, в качестве причины указывая доминирование России в ЧР²⁹. Чтобы возможная в перспективе инициатива США по фактическому отказу от Конвенции и, как следствие, установлению своего господства в ЧР на различных уровнях воспринималась нормально, реализуется многомерная стратегия. Один из ее элементов — научное обоснование. В американском варианте оно дополняется обязательным компонентом, ориентированным на поддержание имиджа страны как проводника демократических ценностей.

В июле 2022 г. на рассмотрение Конгресса США был внесен законопроект — Акт по безопасности в Черном море 2022 г. (*Black Sea Security Act of 2022*)³⁰, а в декабре 2022 г. его принял в работу Комитет Сената по международным отношениям, в 2023 г. документ прошел официальную процедуру принятия под названием *Black Sea Security Act of 2023*. Признавая критическое значение ЧР для национальной безопасности шести прибрежных государств, нарастающую напряженность в регионе на восточной границе ЕС и рубежах НАТО и усиление России в регионе после 2014 г., конгрессмены инициируют активную корректировку внешней политики США в ЧР. Еще в 2020 г., отмечая необходимость обновить концепцию ЧР для США, американские эксперты отказались от странового принципа определения границ этого региона из-за удаленности и безликости большинства стран, но определили водное геополитическое пространство Черного моря в качестве центрального элемента концептуализации. Сам регион был представлен через спортивную метафору: на огромной бейсбольной площадке воспроизведена классическая расстановка в девять игроков,

из которых субъектностью наделены три ведущих: Украина на севере, Турция — на юге, Россия — на северо-востоке (Москаленко, Ирхин, Кабанова, 2022, с. 264).

Три года спустя Соединенные Штаты прямо назвали «удаленное на тысячи миль Черное море имеющим критическое значение для своих трансатлантических интересов и геополитической дорожной карты» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 4). Среди проблемных факторов региона конгрессмены указывают на нынешний режим функционирования Черноморских проливов, так как «война России с Украиной заострила важность ЧР для национальных интересов США» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, pp. 3—4): «(9) Хотя в феврале 2022 г. Турция заблокировала вход российских военных кораблей в Черное море на основании Конвенции, регулирующей режим Проливов, которая была подписана в швейцарском городе Монтрё 20 июля 1936 г., документ не принимает в расчет увеличение размеров, водоизмещения, вооружения современных военных кораблей, а на Россию не распространяются те же ограничения по тоннажу, что и на неприбрежные государства. (10) Турция отказывается изменить свое понимание Конвенции Монтрё, чтобы не ослабить свою позицию в регионе»³¹.

Эти два тезиса, во-первых, демонстрируют позицию США по поводу применения Турцией ст. 19 Конвенции Монтрё и перекрытия Проливов для судов всех государств. Формулировка из законопроекта упоминает блокирование входа только для российских кораблей на фоне объявленного МИД Турции полного перекрытия проливов для любых военных кораблей. Во-вторых, предлагается на законодательном уровне поставить вопрос о пересмотре документа в связи с изменением тактико-технических характеристик флотов и, наконец, в основном прямо указывается на стремление США воздействовать на Турецкую Республику в вопросах регулирования судоходства через Проливы и недовольство чрезмерно независимым поведением Турции в ЧР.

²⁹ Graffy C. Who Will Control the Black Sea? // GIS. October 11, 2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/black-sea-russia-turkey/> (accessed: 25.03.2023).

³⁰ S.4509 — Black Sea Security Act of 2022. 117th Congress (2021—2022) // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4509> (accessed: 25.03.2023).

³¹ Ibid.

Реализация основных мер новой Черноморской стратегии США должна привести к расширению их экономического и военного присутствия, развитию Инициативы трех морей, утверждению демократических ценностей, расширению сотрудничества ЕС, США и НАТО в ЧР и Большом ЧР, в том числе в военной и разведывательной сферах. Особый акцент в законопроекте сделан на сдерживании России в регионе и защите свободы судоходства в Черном море во избежание расширения военных действий на территорию Европы. Предлагается создать объединенный многонациональный военный штаб на Черном море, ответственный за все типы военных операций в Большом ЧР, а также, работая напрямую с Турцией, Украиной, Румынией и Болгарией, добиться свободы судоходства, что повысит безопасность и экономическую доступность Черного моря (Coffey & Kasapoğlu, 2023, pp. 16—17).

В октябре 2022 г. зарегистрированная в Лихтенштейне «фабрика мысли» проамериканской направленности *Geopolitical Intelligence Service* (GIS) внесла в экспертно-аналитическую повестку прямой запрос на радикальный пересмотр Конвенции Монтрё как обеспечивающей тотальный контроль над Черным морем. По мнению доктора юридических наук Колин Грэффи, Конвенция Монтрё превращает Черное море во «внутреннее море» России, давая ей возможность доминировать в регионе, нападать на прибрежные государства и захватывать их территории. Так как уже после 2022 г. Азовское море де-факто стало «внутренним морем» России, Волго-Донской канал позволяет перемещать суда из Каспийского моря в Черное через Керченский пролив, а договор с Сирией обеспечил Россию южным портом Тартус с неограниченным выходом в Средиземное море. Аналитик отмечает, что «в случае успеха СВО Россия готова аннексировать Приднестровье», что еще больше увеличит черноморскую границу России³².

³² Graffy C. Who Will Control the Black Sea? // GIS. October 11, 2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/black-sea-russia-turkey/> (accessed: 25.03.2023).

Этому негативному сценарию для США и их союзников способствуют ограничения мореплавания, установленные Конвенцией Монтрё. В этом ключе просматривается семантика обоснования непригодности документа, связанная с продвижением Соединенными Штатами концепции «свободы мореплавания»: «Положения Конвенции Монтрё разительно противоречат принципам свободы передвижения военных кораблей в открытом море, установленным столетия назад. „Особые права“ для черноморских государств теперь фактически распространяются только на Россию и Турцию. С точки зрения многих экспертов, эти привилегии противоречат современным принципам международного морского права. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. обеспечивает право транзитного прохода через Проливы, которому не должно чиниться препятствий (ст. 38). Прекращение действия Конвенции Монтрё вернет регион в юридическое поле морских норм, которым следует большинство государств»³³.

В зависимости от развития СВО американские эксперты рассматривают четыре сценария событий в ЧР.

Первый — предполагает затяжной характер конфликта, превращение Черного моря во «внутреннее озеро России» даже без ее победы и сохранение Конвенции Монтрё в нынешней редакции, но оценивается как крайне маловероятный.

Второй сценарий предусматривает поражение России, но из-за отсутствия политической воли Запада Конвенция 1936 г. не меняется (вероятный сценарий).

При третьем сценарии на фоне поражения России США, ЕС и НАТО инициируют пересмотр Конвенции Монтрё в соответствии с Актом по безопасности в Черном море 2022 г., но при этом сохраняется суверенитет Турции над Проливами (вероятный сценарий).

Четвертый сценарий, хотя и оценивается как маловероятный из-за позиции Турции, описывает вариант полной отмены Конвенции и перехода Проливов под общие положения международного морского права³⁴.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Непримирение и активизацию со стороны США в первую очередь следует связывать с усилением морского присутствия России в ЧР, в экспертно-аналитическом дискурсе, обозначаемом как «поиск новой морской сферы влияния» (*new nautical sphere of influence*), что требует от США новой стратегии, в которой Турция так или иначе будет оставаться важным элементом, пока контролирует Проливы. Свои шаги к пересмотру или отмене Конвенции Монтрё Соединенные Штаты предпочитают, как правило, не обозначать в публичном пространстве, но охотно упоминают попытки Российской империи и СССР оспорить безоговорочную власть Турции над Проливами³⁵. Таким образом, важным для США становится достижение стратегического равновесия с Турцией, которое подразумевает снятие «онтологического недоверия» Турции к США: возможно оно только при условии, что любое увеличение присутствия НАТО в регионе не будет нарушать Конвенцию Монтрё³⁶.

События СВО вновь вернули в экспертное поле концепцию БЧР, которая была введена в оборот после событий 11 сентября 2001 г. в контексте расширения ЕС и НАТО, но ее ключевые акторы тогда не достигли поставленных целей (Tsantoulis, 2016, p. 6). В брифе «Новая черноморская стратегия для новой черноморской реальности» эксперты Гудзонского института Л. Коффи и Жан Касапоглу подчеркивают, что новая геополитическая реальность, в особенности ее морское измерение, требуют от США и блока НАТО долговременной и многомерной стратегии, рассчитанной на Большой ЧР, так как «пространство вокруг Черного моря по-прежнему остается пространством для расширения НАТО и ЕС» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 4). При этом авторы используют термин *Broader Black Sea region* (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 1) в противовес

устоявшемуся *Wider Black Sea region*, подтверждая выбор слова обновленным пониманием региона, где особое стратегическое значение придается Азову и Каспию (с ключевым акцентом на Иране): «Россия воспринимает Каспийское море и Черное море как единое геополитическое пространство. Такого же подхода следует ожидать от властей [США] и военных стратегов НАТО» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 11).

Факторами «оживления» концепции стало не только начало СВО и превращение Азовского моря во внутреннее море России, но и обращение Турции к Конвенции Монтрё, что напомнило миру о статусе Турецкой Республики в регионе. В 2005 г. на волне продвижения концепции Большого Черноморского региона отмечался явный курс Вашингтона на пренебрежение положениями Конвенции (Tchantouridze, 2018, p. 44). В настоящее время необходимость разработки и воплощения новой стратегии для Запада в регионе имеет следующие предпосылки.

Турция будет стремиться сохранить *status quo* в регионе за счет Конвенции Монтрё, но в условиях затяжного российско-украинского конфликта решение о перекрытии Проливов имеет две стороны: не только ограничивает отправку военных судов НАТО в Черное море, но и изолирует внутри региона Черноморский флот в ослабленном состоянии с возможностью усиления только с Каспия, перекрывает ему доступ в Средиземное море. Для Запада помощь Украине по возвращению Крыма стратегически оправдана для обеспечения безопасности восточного фланга Альянса, а сдерживание России в Черном море обеспечит безопасность южного фланга.

Турецкими элитами Конвенция Монтрё расценивается как непоколебимое основание особого положения страны в регионе, а все остальные переменные носят договорной характер. По мнению американских экспертов, СВО высветила претензии Турции (обусловленные географически, экономически, политически и исторически) на лидерство в ЧР, которые тем не менее себя практически исчерпали. Поэтому настало время грамотно

³⁵ Aronsson L., Mankoff J. The Inhospitable Sea // The Center for Strategic and International Studies (CSIS). February 2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/inhospitable-sea-toward-new-us-strategy-black-sea-region> (accessed: 25.03.2023).

³⁶ Ibid. P. 25.

использовать амбиции Турции, а ее влияние в регионе подчинить целям безопасности и стабильности Запада: «Западные союзники Турции должны сосредоточиться на новой модели кооперации в ЧР, которая в том числе подразумевает военное сотрудничество между тремя странами НАТО в регионе, и прекратить бесперспективно выпрашивать послабления по Конвенции Монтрё» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 4).

В Черноморской стратегии США Конвенция Монтрё остается реальностью, с которой предстоит работать долговременно и разными средствами. Рассматриваемый в Конгрессе документ определяет лишь направления, которые, тем не менее, уже наполняются конкретными смыслами и мерами, и их цель — обеспечить лидирующую роль США в ЧР. Во многом этого предлагается достичь за счет размывания существующего режима функционирования Черноморских проливов и воздействия на Турцию:

- сразу же после того, как Турция снимет запрет на проход в Черное море военных кораблей неприбрежных государств, запустить на постоянной основе морскую патрульную миссию НАТО в Черном море;

- если невозможно отменить ограничения по водоизмещению и срокам пребывания нечерноморских судов в Черном море, значит, следует помочь ориентированным на НАТО государствам региона (Болгарии, Румынии, Украине и Грузии) усилить собственные флоты подходящими судами;

- эффективно использовать возможности береговой охраны, а реальный украинский опыт морского боя в условиях практически полного отсутствия флота можно распространить на другие территории (например, Азербайджан, Азовское море, Тайвань).

Ряд мер предполагает расширение ЧР до Черноморско-Каспийского региона: «Крайней точкой черноморской границы НАТО должно стать южное побережье Каспийского моря» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 12).

Обязательным условием является тесное сотрудничество с Турцией на условиях примата Конвенции Монтрё, но с оговорками: региональное сотрудничество Турции

с Россией теперь исключается, а допустимые модели кооперации в регионе должны определяться США. По традиции Соединенные Штаты обращаются к риторике универсальных ценностей: «Ни у одной черноморской нации не должно возникнуть желания взаимодействовать с Москвой, в которой у власти *силовики*» (Coffey & Kasapoğlu, 2023, p. 13).

Как видно из предлагаемых мер в рамках Черноморской стратегии США, претензии Турции на региональное лидерство и сохранение суверенитета над Проливами допустимы для США только с соблюдением перечня условий, среди которых, во-первых, ряд косвенных шагов по размыванию Конвенции Монтрё, что приведет лишь к ее номинальному функционированию без фактического изменения текста документа, а во-вторых, курс на жесткое давление на Турецкую Республику вплоть до смены власти, если Р.Т. Эрдоган сохранит самостоятельную внешнеполитическую линию, подразумевающую балансирование между Западом и не-Западом и реализуемую во многом за счет так называемой «химии»³⁷ между В.В. Путиным и турецким лидером.

Декларируемая и успешно реализуемая солидаризация Запада сдвигает шкалу вероятностей в сторону пересмотра Конвенции Монтрё вплоть до полного перехода Проливов под регуляцию Конвенцией ООН по морскому праву или же демилитаризацию Черного моря по модели Парижского мира 1856 г. после Крымской войны. С учетом подобных сценариев и запроса США на пересмотр или отмену Конвенции пересечение миноносцем «Нитце» Дарданелл в направлении Черного моря можно расценивать как пробу реакции, с одной стороны, и как позицию США по заявленному Турцией применению ст. 19 Конвенции — с другой.

Хотя еще в 2021 г. в экспертном поле был озвучен анализ подобного кейса в связи с перспективой строительства канала «Стамбул», по турецкому законодательству,

³⁷ Goncharenko R. Erdogan “Takes Great Care Not to Cross” Putin // DW. May 8, 2022. URL: <https://www.dw.com/en/turkey-taking-great-care-not-to-cross-russias-red-lines/a-62727068> (accessed: 25.03.2023).

регулирующему пребывание иностранных военных судов в турецких портах на Мраморном море, военное судно нечерноморского государства имеет право пройти через Дарданеллы в Мраморное море и посетить порт Стамбул в рамках двусторонних военных связей под патронатом Генерального Штаба Турции. Такой подход позволяет, по мнению К. Юджея, не распространять Конвенцию Монтрё на проход Дарданелл, так как второй пролив, обозначенный в Конвенции, не затрагивается. Однако возникает закономерный вопрос: имеет ли право военное судно, проследовавшее из Эгейского моря и сделавшее остановку в порту Стамбул (или любом другом турецком порту на Средиземном море), после этого войти в черноморские воды (Yücel, 2019, pp. 244—249), особенно если появится канал «Стамбул» и отпадет необходимость пересекать Босфор?

Заключение

Проведенное исследование позволяет выделить дискурс позиций ведущих международных акторов в отношении Конвенции Монтрё в публичном политическом, экспертно-аналитическом и медийном пространстве.

Турция продолжает заявлять о неукоснительном следовании установленному в 1936 г. режиму функционирования черноморских проливов, который обеспечивает ее особое положение в ЧР. Однако решение о перекрытии проливов в 2022 г. для военных кораблей всех стран, а не только участниц конфликта, на основании ст. 19 Конвенции носит преимущественно политический, демонстративно-декларативный характер и оправдывается высокой целью поддержания безопасности в регионе, при том что его юридические основания могут быть оспорены. Очевидно, что под данные условия и интерпретацию более подходила ст. 21, по которой, если Турция считает себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности, проход военных кораблей зависит исключительно от решения турецкого правительства. Однако такой подход сужал бы возможности политического маневра и сформированного «ручного режима» управления.

Турция успешно справляется с традиционным процессом балансирования между интересами России и Запада во многом именно за счет роли нейтрального «привратника» Босфора и Дарданелл, следующего не столько «букве», сколько «духу» Конвенции. Необходимо подчеркнуть технологичность такого применения статей Конвенции, за счет чего повышается региональный статус и глобальная роль Турции. При этом возникает вопрос интерпретации статей Конвенции Монтрё в зависимости от субъективных взглядов турецкого руководства, его целей и задач в конкретный промежуток времени.

Несмотря на всю видимую противоречивость решения Анкары, оно оказалось на данный момент в интересах как России, которая пока защищена от присутствия в водах Черного моря крупных военных сил, так и стран Запада, опасющихся прямого столкновения с Россией. Пока Россия заняла выжидательную позицию и воздерживается от каких-либо заявлений по поводу применения ст. 19 Конвенции. Однако в случае давления на Турцию со стороны союзников по НАТО решение может быть пересмотрено, так как оно носит имиджево-декларативный характер.

Американоцентричный подход к восприятию турецкой внешнеполитической стратегии предполагает, что Конвенцией Монтрё при необходимости можно будет пренебречь. Пока запрос на пересмотр режима функционирования Черноморских проливов, от которого основным выгодополучателем станут США, реализуется на дискурсивно-медийном уровне. США не являются подписантами Конвенции и склонны подавать ее соблюдение Вашингтоном как жест доброй воли, реализуемый ради стабильности ЧР, пока это не вступает в прямое противоречие с американскими интересами. Тем не менее в новой американской Черноморской стратегии ЧР обозначен как критически важный, и определяется ряд шагов в рамках общей стратегии установления влияния США там. Обновленная концепция во многом опирается на версию 2000—2010-х гг., когда ставились следующие цели: демократизация, создание и развитие государственных институтов,

соблюдение прав человека, интеграция стран региона в Евро-Атлантическое сообщество, энергетическая безопасность. Эти меры, по мнению американцев, должны были привести к созданию единого геостратегического пространства. С позиции 2022—2023 гг. США в дискурсивном пространстве декларируют те же цели, но делают акцент на необходимости работы с Турцией в отношении ее суверенитета над Проливами с целью выгодной для Вашингтона трансформации подходов Анкары.

Ярко проявившаяся после начала СВО роль Турции как балансира между Западом и не-Западом, дипломатический и политический торг о вступлении Швеции и Финляндии в НАТО, претензии на роль глобальной переговорной площадки через регулирование военного (а по факту, и торгового) судоходства в регионе не устраивает Соединенные Штаты. И если раньше Турция, как правило, занимала неоспоримую позицию фланга НАТО в регионе, то теперь США стремительно усиливают здесь военное сотрудничество с другими государствами, особенно с Румынией, что в некоторой мере позволит обходить ограничения Конвенции Монтрё даже без ее пересмотра, а также испытывают различные способы давления на Турцию.

Логистическая роль и военно-политическое значение черноморских проливов в последнее десятилетие объективно возросли — по сути, из-за столкновения двух проектов глобализации: американского Большого ЧР (7 прибрежных государств, Азербайджан и Армения), скорректированного с учетом СВО (Черноморско-Каспийский регион с акцентом на Иран), и китайского «Пояса и

пути». Реализация первого будет означать достижение «оперативного окружения» КНР со стороны суши и лишение Китая стратегической глубины, которая обеспечивается за счет евразийских сухопутных пространств и системы нейтральных стран и союзников Пекина. В свою очередь, перевес в сторону второго проекта «коллективного Востока» позволит КНР и России вырваться на стратегические просторы Европы и Евразии, минуя контролируемые США глобальные морские коммуникации. Поэтому Конвенция Монтрё будет оставаться в центре публичной и реальной политики до окончания процессов формирования новой системы международных отношений, обеспечивающей стабильность развития мира на последующую политическую эпоху.

Каким будет этот мир — западоцентричным или ориентированным на «коллективный Восток» — решается сейчас в том числе в ЧР, где Черноморские проливы (вход и выход, Южное Причерноморье) и Крым (контроль над Северным Причерноморьем) являются императивом для контроля над всем регионом.

До Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) Черное море рассматривалось в Стамбуле как «гарем султана», то есть вход в него любых иностранных кораблей был невозможен. Сложившийся в рамках Конвенции Монтрё в 1936 г., еще до Второй мировой войны, режим функционирования Черноморских проливов является самым долговременным режимом с 1774 г. и отражает региональное равновесие, которое в настоящее время подвергается эрозии.

Поступила в редакцию / Received: 01.04.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 18.10.2023
Принята к публикации / Accepted: 31.10.2023

Библиографический список

- Аватков В. А., Гудев П. А.* Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23, № 3. С. 348—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363>
- Аватков В. А., Гузаеров Р. И.* «Мир больше пяти», или Справедливость по-турецки // *Современная Европа*. 2023. № 1. С. 194—201.

- Болдырев А. В. К вопросу о возможности для России участвовать в турецком проекте «канал „Стамбул“» // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 271—280. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-1-271-280>
- Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. Москва : Аспект Пресс, 2023.
- Воронин И. Н., Швец А. Б., Воронина А. Б. Рубежность социокультурного пространства и его трансформация на примере Причерноморья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3, № 3—1. С. 23—32.
- Головенченко А. А. К вопросу о Конвенции Монтрё — роль документа сегодня и завтра // Власть. 2022. № 4. С. 52—59. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9124>
- Демешко Н. Э., Аватков В. А., Ирхин А. А. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 5. С. 133—150. <https://doi.org/10.31249/kg/2022.05.07>
- Дружиловский С. Б. Проблемы безопасности в российско-турецких отношениях // Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность / отв. ред. О. В. Буторина. Москва : ИЕ РАН, 2019. С. 45—49.
- Ивкина Н. В., Павлова Т. С., Никулин М. А. Нарушение конвенции Монтрё как угроза безопасности России // Морской сборник. 2020. № 1. С. 49—57.
- Ирхин А. А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783—2018 гг. и национальные интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4, № 3. С. 70—80.
- Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 91—107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
- Комлева А. Л., Цветкова Ю. С. Правовой режим Черноморских проливов // Океанский менеджмент. 2021. № 1. С. 25—29.
- Митина В. Правовое регулирование режима Черноморских проливов // Океанский менеджмент. 2018. № 2. С. 33—36.
- Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018—2021 гг.) // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 2. С. 258—277. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277>
- Мошкин С. В. Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944—1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 112—116.
- Смольняк И. В. У истоков политики сдерживания: черноморские проливы как фактор напряженности внутри Большой тройки на завершающем этапе Второй мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 8. С. 48—57.
- Bailey R., Wellesley L. Chokepoints and Vulnerabilities in Global Food Trade // Chatam House. The Royal Institute of International Affairs. 2017. P. 1—124. URL: <https://resourcetrade.earth/publications/chokepoints-and-vulnerabilities-in-global-food-trade> (accessed: 23.01.2023).
- Coffey L., Kasapoğlu C. A New Black Sea Strategy for a New Black Sea Reality // Hudson Institute Policy Memo. 2023. P. 1—14. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/A+New+Black+Sea+Strategy+for+a+New+Black+Sea+Reality.pdf> (accessed: 23.01.2023).
- Kundak S., Bayrınar M. B. The Crazy Project — Canal Istanbul // TeMA — Journal of Land Use, Mobility and Environment. 2011. Vol. 4, no. 3. P. 53—63. <https://doi.org/10.6092/1970-9870/465>
- Neumann I. A Region-Building Approach to Northern Europe // Review of International Studies. 1994. Vol. 20, iss. 1. P. 53—74. <https://doi.org/10.1017/S0260210500117784>
- Seydi S. The Turkish Straits and the Great Powers. Istanbul : The Isis Press, 2010.
- Tchantouridze L. The Black Sea Question in Russo-Turkish Relations // Contemporary Russo-Turkish Relations: From Crisis to Cooperation / ed. by A. Askerov. London : Lexington Books, 2018. P. 125—156.
- Tsantoulis I. Towards a Genealogy of Regions in International Relations: An Autopsy of the Black Sea (Region) [thesis]. London : University College, 2016.
- Tulun T. The Montreux Convention: A Regional and Global Safety Valve // Center for Eurasian Studies. AVİM Report. 2020. No. 17. P. 1—74. <https://avim.org.tr/images/uploads/Rapor/rapor-17-arsiv-icin.pdf> (accessed: 23.01.2023).

Yücel K. The Legal Regime of the Turkish Straits: Regulation of the Montreux Convention and Its Importance on the International Relations After the Conflict of Ukraine [thesis]. Frankfurt am Main : Johann Wolfgang Goethe University, 2019.

Сведения об авторах:

Москаленко Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0002-4162-3162; e-mail: kerulen@bk.ru

Мурадов Георгий Львович — кандидат исторических наук, заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте РФ; профессор, МГИМО МИД России; ORCID: 0009-0001-2806-5821; e-mail: pprk@pprcrimea.ru

Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru

Нагорняк Кирилл Иванович — соискатель, Севастопольский государственный университет; ORCID: 0000-0003-0075-1405; e-mail: kir.nagornyak@yandex.ru